

Г. Н. МОИСЕЕВА

О некоторых источниках „Казанской истории“

В русской литературе характеристике Ивана Грозного посвящено много исторических сочинений, публицистических статей и художественных произведений. Серьезный интерес к личности царя был проявлен уже его современниками. В числе их исследователи отмечают в первую очередь А. Курбского, который отвел в своих писаниях большое место обрисовке своего политического врага — московского царя Ивана IV. Среди сочинений Курбского выделяется в этом отношении „История о великом князе московском“ — произведение, целиком посвященное Ивану Грозному, в котором нашли свое „историческое обоснование“ все упреки, брошенные изменником в его первом послании царю.

В те же годы образ Ивана IV был запечатлен в высокохудожественной историко-публицистической повести — „Казанской истории“, автор которой подробно останавливается на биографии своего героя, пристально всматривается в его государственные и военные преобразования и в похвале, заключающей произведение, подводит итог деятельности московского государя на определенном этапе его жизни.

В раскрытии образа Ивана IV автор „Казанской истории“ неуклонно преследует одну цель — связать все исторические достижения второй половины XVI века с именем царя, поставить лично ему в заслугу крупнейшие военные победы на восточной и западной границах Русского государства, оправдать его суровую борьбу с боярством.

Высокая оценка общественно-политической деятельности Грозного автором „Казанской истории“ неоднократно вызывала у ряда исследователей сравнение ее с отношением народа к личности царя, выраженным в устных исторических песнях и былинах, дошедших до нашего времени в записках начала XVIII века.¹ Сближая эти оценки, исследователи объясняли их общим у писателя и у народного поэта отношением к исторической теме.²

Как уже справедливо отмечено И. У. Будовницем, „все писания XVI и XVII вв. о Грозном носят преимущественно мемуарный характер“ и написаны „главным образом по личным воспоминаниям“.³ „Казанская история“ в этом отношении существенно отличается. Она создана

---

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 301—347.

² См. об этом подробнее: В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 103.

³ И. У. Будовниц. Иван Грозный в русской исторической литературе. Истор. зап., № 21, 1947, стр. 275.

на основе ознакомления автора с громадным и разнообразным материалом,¹ своеобразно подобранным и тенденциозно освещенным на страницах его „красной и сладкой“ повести.²

Анализ подбора источников и рассмотрение отношения к ним автора смогут поэтому дать значительный материал для характеристики и творческого метода писателя и его идеологии. В создании образа центрального героя „Казанской истории“ — царя Ивана Васильевича Грозного, — естественно, наиболее характерные черты его общественно-политического мировоззрения должны сказаться особенно выпукло.

Впервые к изображению царя Ивана IV автор „Казанской истории“ приступает в главе „О смерти великого князя Василия и о приказе царства сыну его, о самовластии бояр его“. С фактической стороны она целиком основана на известиях „Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“, который и начинается описанием последней поездки Василия III в Троице-Сергиевский монастырь и подробно излагает всю обстановку при московском дворе к моменту смерти великого князя.³

Автор „Казанской истории“ отметил в своем произведении основные моменты этого события: прощание Василия III с женой и сыновьями и передачу царства старшему сыну — Ивану.

Рассказ о кончине Василия III служит автору „Казанской истории“ поводом кратко, но очень выразительно описать безрадостное детство малолетнего царя Ивана IV, когда, после смерти Василия III, князья и бояре воспользовались отсутствием сильной власти. Пренебрегая государственными интересами, боярские группировки захватывали попеременно власть в свои руки, обогащались за счет казны, не оберегали границ государства, ввели в практику в судах посулы и взятки.

Описание детства царя нашло свое отражение и в произведении самого Ивана Грозного. Речь идет о рассказе „Царева государева послания“. Сравним эти два рассказа.

В „Казанской истории“: „Всем тогда князем и бояром, и вельможам, и судьям градским самовластием живущим, не по правде судящим, по мзде, и насилствуя людем, никого же блюдушмися, ... и не брегущим от супостат своих Руския земли: везде погании крестьян воеваху и губляху, и вельможи крестьян губяху продажею великою. И умножишася обиды, татбы и разбой, и убийства, по всей земли рыдание и вопль велик“.⁴

В „Царевом государевом послании“: князья и бояре после смерти Василия III „на грады и на села наскочиша, и тако горчайшим мучением многоразличными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти хто может исчести? Подовласных же всех аки рабы себе сотвориша, рабы же свои аки вельможа сотвориша; правити же мящесе и строити, и, вместо сего, неправды и неустроения многая устроиша, мзду же безмерную ото всяких собирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще“.⁵ Рассказ о государстве во время боярского правления непосредственно смыкается с высказываниями

¹ В составе его были и личные наблюдения. См. статью Г. Н. Моисеевой „Автор «Казанской истории»“ (Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 280—284).

² См. характеристику разрядов времени казанских походов Грозного в статье Г. Н. Моисеевой „Автор «Казанской истории»“, стр. 268—273).

³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 409—419.

⁴ Казанская история, М.—Л., 1954, стр. 73.

⁵ Послания Ивана Грозного. Серия „Литературные памятники“, М.—Л., 1951, стр. 34.

автора „Казанской истории“ о детстве царя: „Ростяху оба сына его (Иван и Георгий, — Г. М.) в воле своей, и без отца и без матери, богом самым брегомы и учимы, и наказуемы“.¹ Нетрудно увидеть в фразе „Казанской истории“ переключку с высказываниями самого Ивана IV: „Аз же возрастох в небрежении, и в ненаказании отца и матери“. Средневековый писатель не мог оставить сирот без покровительства бога и если Иван жалуется, что он вырос „в небржении и в ненаказани“, то в „Казанской истории“ сироты Иван и Юрий стали „богом... брегомы и учимы и наказуемы“.²

Самовластие временщиков не знало пределов: „... и тако свое хотение во всем уллучиша, и сами убо царствовати начаша. Нас же, со единокордным братом, свято почившим Георгием, питати начаша яко иностранных, или убожайшую чадь. Якова же пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть; но вся не по воли и не по времени юности“.³ О детях никто не беспокоился. Малолетнего царя оскорбляли и притесняли: „нас бо государей своих никоего промышления добротного бо не сподобиша, сами же премесишася богатства и славе, и тако скончаша — друг на друга. И елико сотвориша!“.⁴

Уже будучи взрослым, Грозный никогда не мог забыть детских впечатлений о времени боярского правления. „Колики напасти яз от вас принял, колики оскорбления, колики досады и укоризны... какова злая пострадах от вас от юности даждь и доселе!“.

В „Казанской истории“ налицо обобщение воспоминаний Грозного о его детских годах. То, что Иван IV передает как субъективное чувство („колики напасти... колики оскорбления... какова злая пострадах...“), в „Казанской истории“ отражено и как действие: „державны мал сей остася отца своего и матери, во юности своей вся собою позна“, и как результат этого действия: „яко злато в горниле, в бедах искусися“.⁵ Только в „Царевом государевом послании“ и в „Казанской истории“ мы встречаем такое описание детства Ивана Грозного. Поэтому знакомство автора „Казанской истории“ с „Царевым государевым посланием“ и использование его автором не оставляют, как нам кажется, сомнения.

Повествование о казанских походах Ивана Грозного автор предвзряет главой „О цари и великом князе Иване Васильевиче и о разуме его, и о премудрости его, и о соглядане от него бояр его, и о избежии, и о соглядане земля своя, и о любви к воем своим, и уведание его о Казанском царстве“. Глава начинается с описания венчания Ивана IV на царство, причем рассказ этот точно совпадает с соответствующим эпизодом Новгородской III летописи.

„Казанская история“

И возразшу же в велик разум приимшу же великому князю Ивану Васильевичу, и восприимник бысть по отце своему во всей Русьской земли державе великаго царьства Московского. И воцарися на царство великим царством в лето 7055 (1547 г.) месяца генваря в 16 день, и помазан святым миром, и вен-

Новгородская III летопись

Поставление царя Иоанна Васильевича. Того же лета венчан бысть на царство московское государь царь и великий князь Иван Васильевич, всея России самодержец, генваря в 16 день, и помазаша святым миром, и венчан бысть святыми бармами и венцем Мономаховым, по древ-

¹ Казанская история, стр. 72.

² Там же.

³ Послания Ивана Грозного, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 33.

⁵ Казанская история, стр. 74.

чан святыми бармами и венцом Манамаховым, по древнему чину царьскому, якоже и римстии цари и гречестии православнии цари поставляхуся, и наречеса царь державы Руския, и самодержец русский показася великий, и страх его одержаша вся языческая страны. И бысть велми премудр, и храбр и серд, и крепкорук и силен телом, и легок ногама, аки пардус; подобен по всему деду своему великому князю Ивану. И преже бо никто же от прадед его словяше в Руси царь, и не смеяше от них поставитися царем и зватися новым тем именем, блюдушеся завидения и востания на них поганых царей неверных.¹

нему закону царскому, якоже Римстии и Гречестии царие православнии поставляхуся; и наречеса царь и великий князь, всея Великия Россия самодержец великий показася, и страх его одержаше вся языческие страны, и бысть велми премудр, и храбросерд, и крепкорук и силен телом и легок ногами аки пардус, подобен во всем деду своему великому князю Иоанну Васильевичу преже бо его никто же от прадед его царем словяше в России, не смеяше от них никиждо поставитися царем, и зватися тем новым именем, блюдушеся зависти ради и востания на них поганых царей и неверных.²

Если мы обратимся к рассказу о венчании Ивана IV на царство в „Летописце начала царства“, то увидим, что здесь подробно описан весь чин венчания, „столовая изба“, где Грозный собрал близких ему людей, одежда придворных, украшения церкви, „бармы и шапка Мономаха“, приведены цитаты из церковного богослужения. Все эти данные отсутствуют в рассказе Новгородской III летописи.

По существу рассказ „Казанской истории“ описывает не самый факт венчания, а значение его для укрепления русского государства. В рассказе проведена параллель между Иваном IV и его дедом Иваном III: „подобен по всему деду своему великому князю Ивану“. Этим автор как бы показывает преемственность политики московских великих князей и вместе с тем дает нам ключ к пониманию Ивана III как предшественника Ивана IV в его внешней политике. В главе о походе Ахмата на Русь автором „Казанской истории“ поведение Ивана III истолковано также как поведение Ивана IV.³ В главе о венчании Ивана Грозного на царство показано, что юный великий князь не случайно, а законно, по праву присвоил себе титул „самодержца и царя“, ибо он продолжал независимую политику своего деда. Таким образом, весь рассказ о венчании Ивана IV на царство — не простая вставка биографического характера, как это полагал Г. Э. Кунцевич.⁴ Рассказ органически связан с идейным замыслом всего дальнейшего повествования о Грозном; поэтому закономерно, что за описанием венчания следует характеристика основных политических мероприятий Грозного и их значения для укрепления могущества Русского государства.

Сходство рассказа „Казанской истории“ о венчании Грозного на царство с рассказом Новгородской III летописи можно объяснить заимствованием этого рассказа из повести летописью. Литературное происхождение этого рассказа не вызывает сомнения. Здесь нет и тени документальности описания, — налицо истолкование самого факта венчания и его значение в политике московских великих князей, в их борьбе за централизованное Русское государство. Аналогичный переход из

¹ Казанская история, стр. 73.

² ПСРЛ, т. III, стр. 250.

³ И. М. Кудрявцев. „Послание на Угру“ Бассиана Рыло как памятник публицистики XV в., Труды ОДРА, т. VIII, стр. 158—186.

⁴ Г. Э. Кунцевич. История о Казанском царстве, СПб., 1905, стр. 208.

„Казанской истории“ в летопись мы можем наблюдать на примере повести об Ахмате, которая в редакции „Казанской истории“ вошла в хронографы XVII века, в Латухинскую степенную книгу¹ и отразилась в „Новом летописце“.

Переноса рассказ о венчании из „Казанской истории“, составитель Новгородской III летописи захватил и часть следующей за этим рассказом характеристики Грозного. В „Казанской истории“ эта характеристика в целом дает оценку итогов всей деятельности Грозного первых лет его самостоятельного царствования, выделяя то, что с точки зрения автора представляло главную заслугу царя перед государством. В Новгородской III летописи такая обобщенная характеристика Ивана Грозного не подготовлена предшествующим изложением. Очевидно, редактор Новгородской III летописи перенес весь рассказ о венчании Ивана IV на царство из „Казанской истории“ и притом не отделил собственно рассказ о венчании от характеристики Ивана Грозного и захватил поэтому часть ее.

Показывая заслуги Ивана Грозного, автор „Казанской истории“ подчеркнул мнение о нем иностранных государей, которые „похвалиша его и прославиша его“. Но особо автор отличает отношение к Ивану IV турецкого султана и приводит его характеристику деятельности русского царя: „Воистину ты еси самодержец и царь премудры и верны и волны божии слуга. Удивляет бо нас и ужасает превеликая твоя власть, и слава, и огненная твоя хоругвь прогоняет и попалает воздвижущихся. Уже от нея вси боятся орды наши, на твоя пределы наступати не смеют“.² Мнение турецкого султана не случайно выделено автором „Казанской истории“ при перечислении „поганных царей и нечестивых королей“.

Передовая публицистика XVI века, вставшая на защиту политических мероприятий Ивана Грозного, выдвинула образ идеального государя, который ввел в стране законы, направленные на укрепление государства, создал сильную и боеспособную армию, могущую защитить народ от посягательств внешних врагов, сумел обуздать своеволие феодальной знати. В произведениях крупнейшего публициста середины XVI века — Ивана Семеновича Пересветова — был создан образ идеального монарха — турецкого султана Магомета. Именно поэтому автор „Казанской истории“, поставивший своей задачей показать в своем произведении идеальный образ русского царя Ивана Грозного, своеобразно „переключался“ с Иваном Пересветовым. В характеристике государственной и политической деятельности Ивана IV автор „Казанской истории“ отметил те черты, какие считает необходимым выделить и Иван Пересветов. Не случайны поэтому совпадения в оценке автором „Казанской истории“ судебных и военных реформ 50-х годов XVI века, отношения Грозного к „воинникам“ и „вельможам“ с обрисовкой „программного и мудрого“ государя у Пересветова.³

Перечисляя во вступительной к дальнейшему изложению характеристике Грозного его мероприятия по укреплению централизованного Русского государства, автор „Казанской истории“ особо отмечает, что, вступив на престол, „благоверный царь, самодержец, Иван Васильевич всеа Русии, и вся мятежники старья избив, владевшия царством не по

¹ П. Г. Васенко. Заметки о Латухинской степенной книге. Сборник ОРЯС, СПб., 1903, стр. 52—55.

² Казанская история, стр. 73.

³ Г. Н. Моисеева. Автор „Казанской истории“, стр. 273—276.

правде до совершенного возраста своего, и многих вельмож устраши, от лихоиманя и неправды обрати“.¹

Кто были „старые мятежники“, избив и устранив которых Иван IV смог создать могучее, единое государство? Обратимся снова к первому посланию Грозного Курбскому. По справедливой оценке И. И. Смирнова, „Основная цель всех литературных произведений Ивана Грозного заключается в том, чтобы доказать полную правоту своего поведения, подчеркнуть принципиальный характер своей политики, соответствие ее основным принципам государства и власти“.²

Говоря в „Царевом государевом послании“ об измене Курбского, Грозный ставит ее в связь с политикой враждебных власти великого князя московского группировок родовитых князей и бояр, тех, кто владели царством до „совершенного возраста“ царя. Измена Курбского связана с поведением его предков. Грозный пишет: „Но понеже убо извыкосте от прародителей своих и измену чините, — яко же дед твой, Михайло Карамыш, со князем Андреем Углецким на деда нашего, великого государя, умышляючи изменные обычаи, такоже князем Дмитрием внуком на отца нашего блаженные памяти великого государя Василия многи пагубы и смерти умышлял; тако же и матери твоея дед, Василей Иван Тучков, многая поносная и укоризная словеса деду нашему, великому государю Ивану, износили; такоже и дед твой, Михайло Тучков, на преставление матери нашея, великая царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву, многая надменная словеса изрече“.³ Во главе заговора во время детства Грозного стоял брат Андрея Курбского.⁴

Для того чтобы отстоять Русское государство от иноземных нашествий, укрепить власть великого князя московского, нужно было сломить сопротивление князей и бояр, этих „старых мятежников“, тянувших Россию вспять, к феодальной раздробленности, к междоусобным войнам. Только сильная, единодержавная власть царя способна прекратить княжеские распри: „Аще убо царю не повинуются подвластныя, никогда же от междоусобных браней престанут“.⁵ Свою внутреннюю политику Грозный четко и ясно обосновывает теоретически: „То убо вся царствия нестроением и междоусобными бранями вся растяются. И тако ли убо пастьрю подобает, еже не рассмотряти о нестроении о подвластных своих? И всегда убо царем подобает обозрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярим, ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще ли сего не имея, то несть царь“.⁶

Ивану IV предстояла жестокая борьба с княжеско-боярской оппозицией.

Попытка княжат и бояр во время болезни Грозного в 1553 году передать власть не его годовалому сыну — Дмитрию, а двоюродному брату — Владимиру Андреевичу была первым преступлением „недобротов“ Грозного. Измены воевод князя Д. И. Вышневецкого, Владимира Заболоцкого, их переход в лагерь неприятеля, попытка бегства за границу И. Д. Бельского в 1562—1563 годах, Д. И. Курлятева, какой-то проступок одного из самых видных московских воевод, князя

¹ Казанская история, стр. 73.

² И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 106.

³ Послания Ивана Грозного, стр. 29.

⁴ Там же.

⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 20.

М. И. Воротынского, подорвали доверие Грозного к князьям-воеводам. В 1563 году был разработан лично Грозным план похода на литовский город Полоцк. До царя дошли известия, что воеводы хотят изменить. Поступил донос на князя Владимира Андреевича и его мать Евдокию. В 1564 году из Юрьева бежал в Литву вместе с несколькими служилыми людьми главный московский воевода князь А. М. Курбский. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. В письме к Курбскому Грозный писал: „Вы почали против меня болши стояти да изменяти, и я потому жесточайше почал против вас стояти“.¹ В январе 1565 года Иван Грозный уехал в Александровскую слободу, откуда прислал две грамоты: первую — к духовенству, князьям и боярам, приказным и служивым людям; вторую — „к гостям, купцам и ко всему православному христианству града Москвы“. В первой грамоте Грозный перечислял „измены“ княжат и боярства, начиная со смерти Василия III, т. е. старые и новые измены. Народу Грозный писал, „чтобы они никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет“. В 1565 году были казнены виднейшие представители княжья: князь А. Б. Горбачев с сыном, его родственники; тогда же были арестованы несколько князей Оболенских, князь П. А. Куракин-Булгаков, Д. И. Немой-Оболенский, И. И. Яковлев, Л. А. Салтыков, В. С. Серебряный-Оболенский; П. М. Щенятев подвергнут опале и затем убит.² „Неизбежность такой политики опричного террора, ее объективная необходимость диктовалась тем, что в борьбе против царя князья и бояре не останавливались ни перед какими средствами, вплоть до попытки выдачи Ивана Грозного польскому королю“.³

Казни родовитого боярства и княжья были глубоко продуманным мероприятием Грозного. В письме к Курбскому он пишет: „А в иных землях сам узриш, елико содевается злым злая. То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любити; а в иных землях израдец не любят: казнят их, да тем утверждаютя... ино таких собак везде казнят“.⁴

Вот это именно политическое мероприятие Грозного и отразил автор „Казанской истории“ в словах: „вся мятежники старья избив“. Но почему автор выбрал такую форму, не упомянув об опричнине? Ответ нужно искать в том обстоятельстве, что в официальных документах этот термин не употреблялся. Московская дипломатия в наказах иностранным послам внушала мысль, что никакой опричнины не существует. Так, в апреле 1566 года литовскому гонцу Ф. Юрша на вопрос его об опричнине было наказано отвечать: „у государя... некоторые опричнины нет; живет государь на своем царском дворе, и которые государю служат правдою, и те при государе живут блиско; а которые желали неправды и те живут от государя подале“.⁵ Пребывание Ивана Грозного в Александровской слободе было наказано объяснить так: „Государская воля, где хочет, тут живет, а то село блиско Москвы, а государь живет для своего прохладу, а государство правит на Москве, и в слободе“.⁶ Можно полагать, что автор „Казанской истории“ придерживался официальной точки зрения на освещение политики Ивана Грозного периода 1564—1566 годов.

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 210.

² П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 13—20.

³ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 93—94.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 31.

⁵ Сборник РИО, т. 71, стр. 331.

⁶ Там же, стр. 591.

Основной идейно-политический замысел „Казанской истории“ — все-сторонне осветить роль Грозного в проведении победоносного похода под Казань — подчеркнут автором и композиционно: показ всей истории русско-казанских отношений с начала основания Казанского ханства до царствования Грозного занимает в произведении приблизительно одну пятую часть, тогда как описанию внешнеполитической деятельности Ивана IV посвящен весь остальной рассказ. Естественно поэтому обратить внимание на то, чем руководствуется автор при раскрытии образа царя в этой основной части своего произведения.

Опираясь в описании фактических сведений на рассказы „Летописца начала царства“, автор „Казанской истории“ упорно проводит мысль о том, что все исторические заслуги принадлежат лично царю, а все неудачи — политические и военные — происходили по вине феодальной знати.

Уже в первой главе, целиком посвященной оценке деятельности Ивана IV, автор, говоря о военных замыслах царя, определяет размах иноземных нашествий „от Крыма и до Казани“: „многи грады Руския, старыя, запустеша от поганых: Рязанская земля и Сиверская Крымским мечем погублена, Низовская земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от Казанцов запусте“. ¹ И здесь отчетливо проступает знакомство автора „Казанской истории“ с „Царевым государевым посланием во все его российское царство“, где, отвечая Курбскому, Грозный говорит о необходимости защитить население окраинных земель от татарских набегов: „Всем убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша от варвар православные, и от Крыма, и от Казани: до полуземли пусто баше“. ²

В главах, повествующих о подготовке к штурму Казани и о взятии города русскими войсками, обнаруживается новый источник „Казанской истории“, живо сказавшийся на истолковании событий, особенно при изображении роли Ивана Грозного в этот период. Речь идет о приписках на полях „Летописца начала царства“, имеющих большое значение для раскрытия идеологии их составителя — редактора „Летописца“. ³ Конкретное сопоставление описаний событий в „Казанской истории“, в основном тексте „Летописца начала царства“ и его приписках показывает, что автор „Казанской истории“ во всех случаях согласовывал свой рассказ с пометами редактора, сознательно следуя за его интерпретацией фактов. Так, при описании взрыва казанских стен рассказ „Казанской истории“ сближается с приписками к „Летописцу начала царства“, имевшими целью напомнить о личном участии царя в последних приготовлениях к взрыву. Под 4 сентября 1553 года в „Летописце“ имеется помета, исправляющая первоначальный текст. Вместо сообщения: „И в неделю, на литургии, тогда чтушу диакону святое Евангелие, и последнее возгласи, глаголя: «и будет едино стадо и един пастырь», и вкупе со гласом от подкопу взорвало тайник и с людьми Казаньскими“, приписка дает новый текст: „и в неделю порану возвестиша царю, яко поспел подкоп под тайник, и царю объездышу град и смотрящу, и внезапно от подкопу взорвало тайник и с людьми Казаньскими“. ⁴

¹ Казанская история, стр. 74.

² Поселания Ивана Грозного, стр. 47.

³ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. Истор. зап., т. 23, стр. 251—289.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 506.

Автор „Казанской истории“ эту краткую помету развертывает в красочный рассказ, помещенный в 78-й главе. Иван Грозный „наказа же крепко всем князем и воеводам и полкочначальником, да готови будут все часу того к приступу, егда возгласят ратные трубы, . . . и объехав все полки своя и, яко от бога извещение прием, и повелевает хитрецом под крепкими стенами во рвех глубоких зажигати свирепое зелье огненное; сам же в стан свой приехав и паки на молитву к богу обратился со слезами; стояще, весь вооружен в златыя броня, в рекомы калантырь, и готов на подвиг. . . И егда зажжено бысть огненное зелье в рвех, священнику же чтущи на молебне святое евангелие и конец того возгласившу: «и будет едино стадо и един пастырь», и аки друга верна с тем во едино дело согласистася, в той час абие возгреме земля, яко вели гром, и потрясеса место все, идеже стояша град, и позыбахуся стены градныя и вмале весь град не паде от основания“.¹

Автор „Казанской истории“ умело согласовал запись „Летописца начала царства“, приурочившую взрыв подкопа под стены Казани к определенному моменту церковной службы, с пометой редактора, подчеркнувшего ведущую роль царя при взятии города. Судя по помете „Летописца начала царства“, Грозный не присутствовал на литургии: подкоп был закончен в то время, когда Грозный объезжал полки, здесь-то ему и сообщили („возвестиша царю“) и об окончании работ, и как раз в это время „внезапну от подкопа взорвало тайник“. По рассказу „Казанской истории“, Иван Грозный успел объехать полки, вернуться в стан, обратиться к молитве — тогда и произошел взрыв.

Из сопоставления видно, что автор „Казанской истории“ согласовал два рассказа об одном и том же событии.

Такое же стремление подчеркнуть роль Грозного выступает и в приписке к тексту „Летописца начала царства“, где говорится о том, что после взятия Казани русскими войсками на том месте, где стояло царское знамя, была заложена церковь, и царь принимал в построении церкви личное участие.

В „Летописце начала царства“:

Основной текст

И повеле благочестивый царь и великий князь в своем полку под своим знаменем молебная пети по обеде, благодарение богу воздающе и в той час повеле животворящий крест поставити и церковь поставити.

Приписка

И повеле благочестивый царь и великий князь в своем полку под своим знаменем молебная пети, (по обеде) благодарение богу воздающе; и в той час (повеле) животворящий крест поставити (ти) своим а рукама с протопопом и церковь поставити повеле.²

В „Казанской истории“: „ . . . и вскоре восхоте благоверный царь обещание свое исполнити. . . и повелевает всем воеводам и воем на плещах своих от леса древние носити. И сам преже рукама своим а древо секирою посече и от леса на плещу своею принесе“.³

Главы „Казанской истории“ о возвращении Грозного с войском из Казани, основанные на летописных рассказах и сведениях „Летописца начала царства“ также внимательно согласуют изложение с приписками на его полях.

¹ Казанская история, стр. 149.

² ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 514.

³ Казанская история, стр. 161.

Редактор „Летописца начала царства“ счел нужным дополнить рассказ о встрече царя-победителя Казанского царства с народом при его возвращении в Москву. В Нижнем Новгороде, по словам „Летописца“, царя встретили посланные из Москвы бояре „также и множество народа` богу велие благодарение приносят“. На полях добавлено: „А градские людие священницы сретоша с кресты у судов, архимандрит и весь церковный причет, также и множество народа; и якоже видеша благочестивого царя, вси падоша ницы и поклонишася и с великими слезами к богу велие воздарение воздаша“.¹

Автор „Казанской истории“ вспомнил об этой вставке редактора: „И егда бысть в Нижнем Нове граде царь князь великий, и оттоле поиде на конех к царствующему граду Москве, и встречаху его священницы и мниси с народом со кресты исходящи из градов, из сел, стоящих на пути ему, с молитвами ис похвалами и с веселием великим“.²

Может ли быть случайным совпадением тот факт, что и редактор „Летописца“ и автор „Казанской истории“ считают необходимым отметить популярность царя у народа и низшего духовенства? Полагаем, что это совпадение было следствием знакомства автора „Казанской истории“ с приписками к „Летописцу“. При описании встречи Грозного в Москве в „Летописце“ на полях пространно перечислено, кто именно с восторгом приветствовал царя: „И бояре престаревшийся днми, князь Михайло Иванович Голиця Булгаков да Иван Григорьевич Морозов, и всенародное множество, старики и юнии, малии и велиции, и всяк возраст мужеска полу и женска, с благодарением и со слезами встречают“.³

В „Казанской истории“ въезд царя в город описан так: „Изыдоша на поле за посад в стретение царя и великаго князя, и велможи его, и вси старейшины града, богатии и убози, юноша и девы, и старцы со младенцы, черныцы и черницы, и спроста все множество безчисленное народа московского“.⁴

Нетрудно увидеть в „боярах, престаревшихся днями“ (Голиц-Булгакове и Иване Морозове) „старейшин града“, в „старых и юных“ — „юнош и дев, и старых со младенцы“ и в обобщающем „всяк возраст мужеска полу и женска“ — „спроста все множество народа Московского“.

Итак, в числе разнообразных источников „Казанской истории“, послуживших ее автору материалом для воссоздания образа Ивана Грозного, значительное место занимает „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“, составленный между 1553—1555 годами в кругах лиц, близких к царской семье.⁵ Не менее важным источником, особенно в освещении событий, оказались для автора „Казанской истории“ приписки на полях „Летописца начала царства“, вышедшие если не из-под пера самого Грозного,⁶ то из среды его доверенных лиц и с его ведома.⁷

¹ ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 517.

² Казанская история, стр. 166.

³ ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 518.

⁴ Казанская история, стр. 166.

⁵ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. ЛЗПИАК, т. I (XXXIV), 1927, стр. 87—89.

⁶ Д. Н. Альшиц, ук. соч., стр. 251—289.

⁷ С. В. Бахрушин. „Избранная рада“ Ивана Грозного. Истор. зап., т. 15, 1945, стр. 33.

Особое место среди источников „Казанской истории“ занимает произведение самого царя — „Царево государево послание во все его российское царство на клятвопреступников его, на князя Андрея Курбсково с товарищи о их измене“, давшее автору не только обильный материал для воссоздания целых эпизодов из биографии царя, но и, что самое главное, точку зрения на исторические факты, общую оценку роли в завоевании Казани обеих враждующих сторон: феодальной знати, с одной стороны, и царя, поддержанного дворянством, — с другой.

В создании идеализированного образа Ивана Грозного автор „Казанской истории“ использовал художественный опыт передовой дворянской публицистики и, в первую очередь, ее виднейшего представителя — И. Пересветова.

Подбор источников и их социальный характер раскрывают нам круг интересов автора, выявляют ту общественную среду, в которой формировалось его мировоззрение. Это — ближайшие помощники Ивана Грозного, открыто преследующие и в области идеологии те же цели, которые царь осуществлял в своей государственной деятельности.
